

Вячеслав ХАРЧЕНКО

*Вячеслав Харченко родился в 1971 году в Краснодарском крае. Выпускник МГУ им. Ломоносова, учился в Литературном институте им. Горького. Стихи и проза печатались в журналах «Новая юность», «Арион», «Знамя», «Октябрь», «Крещатик», «Новый берег», *Ното Legens* и др. Автор книги прозы «Чай со слониками» (2018), «Пылинки» (2021). В «Волге» публикуется с 2014 года.*

НЕСЕРЬЕЗНО

Рассказ

– С тобой нельзя говорить на серьезные темы, – Иванов оторвался от дороги и посмотрел на Петрова.

Петров давно уже за Ивановым замечал странные вещи. Иногда ему казалось, что Иванов намного старше и мудрее Петрова, но они были одного возраста, и Петров терялся, что же ответить Иванову. Вот и сейчас он, как ни старался, все не мог подобрать правильных слов и только и выдал из себя:

– Почему?

– Потому что ты серьезные вещи воспринимаешь серьезно, – сказал Иванов и опять уставился на дорогу. В принципе это было правильно – глядеть на дорогу. Как-то раз они ехали ночью в Николаевку (зачем они ехали, Петров уже не помнил, это была ночь, видимо, купаться в море), и Иванов отвлекся от дороги, когда они спорили о чем-то важном или, может быть, наоборот (они часто спорили просто так), не имеющем значения, и машину вынесло на встречу, и они чуть не въехали в груженую фуру. Тогда Иванов сумел вырулить, а потом они стояли на обочине и молча и потерянно курили минут двадцать.

– А как я их должен воспринимать, – удивился Петров и развернулся всем телом от окна и уставился на Иванова.

– Несерьезно, – сказал Иванов.

Они ехали уже час на ситроене вдоль виноградных полей. Иногда Иванов останавливал машину и выходил наружу. Он брал в руки виноградные кисти и внимательно рассматривал их. Потом говорил: «Не тот», – и они с Петровым обратно садились в машину и продолжали движение.

Петров давно хотел сделать свое домашнее вино. Утром он собрал «лидию», висящую над крыльцом, докупил шесть килограммов «молдовы», но потом позвонил Иванов и сказал, что он знает поле заброшенного, никому не нужного винограда, и хотя Петров не верил, что в Крыму в сентябре может быть заброшенный, никому не нужный виноград, он почему-то сел в ситроен Иванова и они поехали в сторону Бахчисарая.

Иванов опять отвлекся от дороги и посмотрел на Петрова.

Петров притих. Эта бескрайняя крымская степь, сливающаяся в своей жирной зелени с далекой синей проступью неба, казалась Петрову чем-то более важным, чем этот непонятный и, как ему все более казалось, ненужный разговор. Еще вчера Петров не понимал, как можно просто взять и куда-то поехать по первому звонку, а сейчас он ехал с Ивановым даже не зная куда, хотя ему завтра с утра нужно было на работу.

В конце концов они свернули на проселочную дорогу и поехали между рядами виноградных квадратов. Петров жил в Крыму уже второй год и в принципе знал – чем мельче виноград, тем он лучше для вина. И вот сейчас они ехали и искали именно мелкий черный виноград, не более ногтя мизинца, и когда Иванов его заметил, то остановил

машину и вышел наружу, открыл багажник и достал остро оточенный нож и огромный холщевый мешок из-под картошки.

– Пойдем, – сказал Иванов и двинулся к виноградному ряду, присел у ближайшего куста и стал резать кисти и складывать обрезанные грозди в мешок.

– Ты уверен, что это ничей виноград, – спросил Петров.

– Восприятие жизни это не череда правильных ответов, – сказал Иванов, продолжая срезать виноград.

Петров помялся у межи, но все-таки приблизился к Иванову. В отличие от Петрова, на Иванове были спортивные кроссовки, солдатские штаны и рубашка с длинным рукавом. Так как Петров не понимал, куда он едет, то надел сланцы, и теперь куски твердой южной земли забивались ему в обувь, и Петрову было неудобно не только собирать ничейный виноград, но даже стоять. Он отошел к машине, вытряхнул комья земли и опять подошел к Иванову.

Виноград брызгал на солнце алым красным соком, и Петрову казалось, что он это уже где-то видел или что это уже с ним происходило когда-то, хотя он в детстве собирал только картошку, а не виноград.

Квадратные грубые пальцы Иванова быстро обрабатывали куст за кустом. Петрову было неудобно тащить за Ивановым мешок, но он вдруг представил, как раньше до него в прошлых жизнях собирали виноград, и Петрову стало легко.

Ему почему-то казалось, что в прошлых жизнях он жил у моря, имел поле пшеницы, давил вино и собирал оливки. По вечерам он изучал труды Гесиода, а его жена ткала ткань и качала люльку с младенцем. Иногда она отрывалась от младенца и тихо и тепло смотрела на него, и от этого взгляда тогдашнему Петрову, какому-нибудь Петрополусу, было легко и весело, и нежность и сила проникали в его твердое мужское сердце.

– А виноград собирать – это серьезное дело?

– Гляди, – ответил Иванов и взглянул на пыльное облачко, которое возникло где-то на линии горизонта. Облачко приближалось к ним, а когда поравнялось, то они увидели старый ржавый советский жигуль, из которого на них укоризненно смотрел прожжённый солнцем человек.

На какое-то время шестерка затормозила, потом человек охнул и поехал куда-то к видневшимся вдали беленым постройкам.

– Пойдем, – сказал Иванов и, подхватив у Петрова мешок, двинулся к машине.

Петрову было интересно, что сейчас происходит, но он почувствовал: что-то пошло не так, тем более что Иванов все делал споро и быстро, словно его несерьезное дело стало вдруг серьезным.

Они бросили мешок винограда в багажник, потом завели мотор и двинулись к шоссе, но Иванов, подстёгиваемый беспокойством, поехал не по обычному пути, а свернул в еле заметное ответвление, словно чего-то боялся, тем более что от беленых хат выдвинулись уже три пылевых облачка и стали продвигаться в сторону ситроена.

– Понимаешь, – сказал Иванов, – любое событие должно восприниматься отстраненно.

– Почему, – Петров с опаской поглядывал на приближающиеся пылевые облачка, тем более что ситроен Иванова уперся в огромную грязевую лужу, которую было никак не объехать.

– Потому что справиться с событием можно только осознав его отстраненную несерьезную неизбежность.

Слово «неизбежность» не очень понравилось Петрову. Иванов затормозил у лужи. Вышел из машины и постоял какое-то время, как будто изучал поле предстоящей битвы, потом сказал вслух: «Ха», сел за руль и, от души выжав газ, въехал в лужу. Ситроен повело вправо, потом влево, сзади уже слышались какие-то крики, но, отстраненно проревев, машина выбралась из грязной жижи и буквально через пару поворотов

выскочила на асфальт, а крики остались где-то возле лужи, словно те три пылевых облачка превратились в живую плоть, которая так и не смогла преодолеть препятствие.

– Будущее так скорбно, что смешно воспринимать его всерьез, – Иванов опять отвлекся от руля и посмотрел на Петрова, – мы живем в эпоху всеобщей всехорошести творца. Толстой не въезжает на тройке в церковь. Кьеркегор не преследуется всей Данией. Все, что нам остается, это только несерьезность.

Петров заметил, что у него из кармана торчит кисть ничейного винограда. Он достал виноградину, отполировал ее до блеска и отправил в рот, словно собирался давить вино уже сейчас, не дожидаясь приезда домой, словно ему хотелось в процесс виноделия внести хоть каплю серьезности.

Эта серьезность казалось Петрову не просто важной, но и нужной, отличительной чертой жизни. Ему вообще в последнее время стало казаться, что мир все более желает сделать его краткий миг пребывания каким-то неважным и ненужным, сведя все к неосознанному удовольствию, и вот сейчас, крутя в руках кисть ничейного винограда, он вдруг понял, что так жить не может и не хочет, и весь этот разговор о несерьезности стал ему докучать.

Впереди по ходу движения стоял пост ДПС. Из будки вышел гаишник и поднял жезл. Какое-то время Иванов раздумывал, надо ли ему останавливаться, но потом он посмотрел на Петрова и понял, что если сейчас не остановить машину, то Петров испугается, и поэтому Иванов затормозил.

Гаишник подошел медленно. Было жарко, несмотря на сентябрь. Солнце щедро давило на фуражку гаишника, и Петрову было понятно, что рано или поздно все это должно было произойти, но он не знал, что же должно произойти.

Иванов вышел наружу и по просьбе гаишника открыл багажник. Какое-то время они вдвоем смотрели в дно багажника, а потом гаишник присвистнул и что-то сказал Иванову, тогда Иванов отошел от гаишника и наклонился к форточке Петрова:

– У тебя пятьсот рублей есть, – спросил Иванов у Петрова.

Петров нехотя полез во внутренний карман и достал последнюю пятисотрублёвку, больше у него ничего не было.

Иванов выхватил купюру из рук Петрова, и они пошли с гаишником куда-то вглубь ДПС. Потом пошло время, и за его течением ничего не изменилось. У Петрова были свои отношения со временем. Если бы время было его другом, он бы все успевал, но и недругом Петрова время не было, потому что Петров никуда не спешил. Ему все чаще с возрастом казалось, что он чье-то продолжение и возник неслучайно, но тут пришел Иванов и сел за руль.

– Даже случайность несерьезна, – продолжил Иванов и завел мотор.

Теперь они ехали молча. Вино лучше всего бродит молча. Тишина – это обыденный спутник вина, и ничто не может изменить в человеке восприятие мира, если он, как Иванов, родился на юге и свое бытование видит в спокойствии и несерьезности.

– Быть, быть, главное быть, – вдруг воскликнул Петров и подпрыгнул на сиденье.

Иванов заулыбался и включил авторadio.

«Бу-тадада, Ра-тадада, Ти-тадада, Но-тадада», – пело радио, и Петрову стало хорошо от того, что этот странный вечер подходил к концу, что завтра на работу и, что солнце алыми лучами облизывает горизонт, к которому уходило шоссе, и по которому стремил их белый ситроен.